

В. В. Марчук

ТЕРМИНОЛОГИЯ УГОЛОВНОГО ЗАКОНА И КВАЛИФИКАЦИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

Изречение известного французского философа Рене Декарта «Определяйте значение слов, и вы избавите свет от половины его заблуждений» для современников стало афоризмом. В уголовном праве проблема терминологии имеет особое значение. Устанавливая запрет на определенное поведение под угрозой применения санкции, уголовно-правовые нормы определяют, таким образом, меру дозволенного поведения человека. Установление границы между допустимым и запрещенным поведением – важнейший момент правотворческой и правоприменительной деятельности. По этой причине термины, употребляемые в уголовном законе, должны быть предельно точными и четкими. Употребление в уголовном законе понятных и однозначных терминов делает ясным текст уголовно-правовой нормы, способствует четкому установлению пределов криминализации.

Смысловая определенность норм уголовного закона имеет непосредственное значение для квалификации преступлений. Четкие и ясные термины, использованные в уголовно-правовой норме, являются теми «кирпичиками», из которых правоприменитель складывает для себя представление о признаках конкретного преступления. Разумеется, этот процесс является творческим по своему характеру. Как отмечал К. Маркс: «Закон всеобщ. Случай, который должен быть определен на основании закона, – единичен. Чтобы подвести единичное под всеобщее, требуется суждение. Суждение проблематично. Для применения закона требуется также и судья. Если бы законы применялись сами собой, тогда суды были бы излишни»¹. Но если в уголовно-правовой норме содержатся нечеткие или двусмысленные термины, то неизбежно возникает необходимость в их судебном толковании. И здесь возникает важный вопрос о пределах судебного усмотрения. Расширительное судебное толкование соответствующего термина может привести к необоснованному искажению смысла уголовно-правового запрета и может существенно нарушить законные права и интересы граждан. Слишком узкое толкование соответствующего термина может привести к ограничительному толкованию, что вызовет необоснованное сужение пределов уголовно-правовой охраны.

Действующее законодательство Республики Беларусь содержит ряд общих требований, в том числе лингвистических, предъявляемых к нормативному правовому акту. В соответствии со ст. 23 Закона Республики Беларусь от 10.01.2000 г. № 361-З «О нормативных правовых актах Республики Беларусь» нормативные правовые акты должны быть внутренне согласованными, логично построенными и соответствовать нормотворческой технике. Термины и понятия, используемые в тексте нормативного правового акта, должны быть понятными и однозначными. При изложении правовых норм следует избегать как чрезмерно обобщенных, так и чрезмерно детализированных формулировок, а также дублирования нормативных предписаний и их множественности по одному и тому же вопросу. Статья 31 данного Закона формулирует языковые требования, предъявляемые к тексту нормативного правового акта: текст нормативного правового акта излагается лаконично, простым и ясным языком, исключая различное толкование норм, с соблюдением официально-делового стиля литературного языка и юридической терминологии. Терминология нормативного правового акта согласно ст. 32 этого Закона должна формироваться с использованием общепонятных слов и словосочетаний. Одни и те же термины в нормативных правовых актах должны употребляться в одном значении и иметь единую форму. В тексте нормативного правового акта не допускается употребление в одном и том же смысле разных понятий (терминов)². Общие требования, предъявляемые к нормативному правовому акту, дублируются и дополняются основными требованиями нормотворческой техники, закрепленными в Правилах подготовки проектов нормативных правовых актов (утверждены Указом Президента Республики Беларусь 11.08.2003 г. № 359): изложение норм проекта акта должно быть точным и кратким; язык изложения проекта акта должен быть ясным, простым и доступным, исключать различное толкование его норм; терминология проекта акта должна быть единообразной, для обозначения одних и тех же понятий должны использоваться одинаковые термины; при использовании терминов следует исходить из их общепринятых определений; в случае необходимости в проекте акта дается расшифровка малоизвестных юридических, технических и других специальных терминов; определение термина указывается в нормативном положении проекта акта, где данный термин употребляется впервые; определения терминов должны быть понятными и однозначными, излагаться лаконично³.

Соблюдены ли указанные требования в действующем УК Республики Беларусь?

Первоначально следует уточнить, что понимается под термином уголовного закона. В лингвистике термином (лат. *terminus* – граница, предел) называется слово (сочетание слов), являющееся точным обозначением определенного понятия какой-либо области техники, искусства, общественной жизни и т. п.⁴ Функциональное предназначение термина – однозначно обозначать специальное понятие. Термин представляет собой «понятие в соответствующей знаковой форме, является его носителем, внешним символом»⁵. В терминоведении выработаны отличительные признаки, позволяющие произвести отграничение термина от обычного слова или словосочетания: термин «1) имеет специальную область применения; 2) принадлежит к конкретному терминологическому полю; 3) служит для называния (наименования) понятия; 4) обладает строго фиксированным содержанием; 5) должен быть дефинированным, то есть основанным на определении (дефиниции) понятия; 6) характеризуется тенденцией к системообразованию»⁶. В силу специальной области применения терминов уголовного права содержание многих из них далеко не всегда совпадает с лексическим значением соответствующих слов. Например, в словарях русского языка вина определяется и как проступок, и как преступление, и как причина чего-нибудь, и как ответственность⁷. В уголовном законе эти слова имеют значение специальных, самостоятельных, строго уголовно-правовых понятий. В действующем УК Республики Беларусь законодатель использовал несколько подходов в определении уголовно-правовой терминологии. Во многих статьях Общей части УК даны дефиниции наиболее важным уголовно-правовым понятиям, имеющим базовое, основополагающее значение, как для квалификации преступления, так и для реализации уголовной ответственности: определены понятия «преступление» (ч. 1 ст. 11), «малозначительное деяние» (ч. 4 ст. 11), «приготовление к преступлению» (ч. 1 ст. 13), «покушение на преступление» (ч. 1 ст. 14), «соучастие в преступлении» (ч. 1 ст. 16), «вина» (ст. 21), «уголовная ответственность» (ч. 1 ст. 44), «наказание» (ст. 47) и др. Важное значение имеет ст. 4 УК, в которой содержатся разъяснения отдельным терминам Уголовного кодекса. Многие статьи Особенной части УК, описывая признаки конкретных преступлений, определяют, таким образом, термины, обозначающие соответствующие преступления (убийство (ч. 1 ст. 139), изнасилование (ч. 1 ст. 166), кража (ч. 1 ст. 205) и т. д.).

К некоторым разделам, главам или отдельным статьям Особенной части УК имеются примечания, определяющие соответствующие термины (например, в примечании к ст. 317 УК определяется понятие «автомобильного транспортного средства»).

Вместе с тем анализ норм действующего УК Республики Беларусь показывает, что не всегда просто определить, является ли соответствующее слово или словосочетание термином уголовного закона. Например, в двадцати одной статье Особенной части УК предусмотрена ответственность за хищение (похищение). Следует полагать, что слово «похищение» в некоторых статьях УК входит в словосочетания, обозначающие определенные термины, которые одновременно являются одноименными названиями соответствующих преступлений: «коммерческий шпионаж» (ст. 254), «шпионаж» (ст. 358). «Похищение» является одним из составляющих слов, образующих термин «похищение человека» (ст. 182) и, видимо, – «террористический акт против представителя иностранного государства» (ст. 124), а также «преступление против безопасности человечества» (ст. 128). Но с позиции теории терминологии не совсем понятно, употребляется ли слово «хищение» («похищение») в качестве термина или нетермина в п. 8 ст. 136 (хищение в крупных масштабах культурных ценностей, находящихся под защитой), ст. 347 (похищение трупа или предметов, находящихся в захоронении), ст. 377 (хищение документов, штампов, печатей), ст. 378 (хищение личных документов), ст. 387 (хищение ордена, медали, нагрудного знака к почетному званию)? Еще сложнее обстоит дело с хищениями чужого имущества или предметов ограниченных или запрещенных в гражданском обороте. Есть основания утверждать, что в примечаниях к главе 24 (преступления против собственности), к главе 29 (преступления против здоровья населения) и к ст. 294 УК слово «хищение» является словом-термином. Оно определяет уголовно-правовое понятие и является дефинированным. Но на нормативном уровне термину «хищение» придано разное уголовно-правовое содержание. Так, согласно части первой примечаний к главе 24 УК под хищением понимается умышленное противоправное безвозмездное завладение чужим имуществом или правом на имущество с корыстной целью, совершенное одним из способов, исчерпывающий перечень которых назван в данном примечании. При этом корыстная цель при совершении хищения имущества, как преступления против собственности, в доктринальных источниках толкования уголовного закона не без оснований трактуется ограничительно⁸. Од-

нако примечания к главе 29 УК и к ст. 294 УК субъективные признаки хищения определяют значительно шире, что имеет непосредственное отношение к квалификации преступления: хищение признается таким «независимо от наличия или отсутствия корыстной цели».

Многозначным содержанием обладает термин «насилие», который достаточно часто употребляется в статьях Уголовного кодекса. Насилие в соответствующей статье УК может обозначать и способ действия, и часть составного преступления, и последствие преступления. Авторы, занимающиеся проблемой уголовно-правовой оценки насильственных преступлений, подчеркивая многозначное содержание термина «насилие», предлагают различные пути решения этой проблемы⁹.

В языкознании наличие у единицы языка более одного значения, многозначности, называют полисемией¹⁰. Необходимо отметить, что в нормах действующего УК Республики Беларусь недавно появились слова, которые приобретают полисемичное значение в составе разных терминов уголовного закона. Так, в новой редакции ст. 261 УК в качестве нового альтернативного варианта преступного поведения предусмотрено «повторное использование почтовых марок»¹¹. Но повторное использование почтовых марок, в отличие от понятия повторного преступления (ст. 41 УК), имеет совершенно иной смысл. Предшествующее использование почтовой марки (использование в первый раз почтовой марки в качестве знака почтовой оплаты) является правомерным поведением. Полисемичное значение приобретает слово «укрывательство» в терминах «укрывательство человека» (новая редакция ст. 181 УК¹²) и «укрывательство преступлений» (ст. 405 УК). Но при уголовно-правовой оценке соответствующего преступления такого рода полисемия может порождать достаточно странные суждения: «повторное совершение повторного использования почтовых марок» или «укрывательство лица, совершившего укрывательство человека» (?).

Исследователи, занимающиеся проблемами правовой терминологии, по-разному выражают свое отношение к использованию полисемии в тексте закона. Эта проблема обсуждается на двух уровнях: о допустимости полисемии во всех отраслях законодательства и в отдельной ее отрасли. Одни авторы считают, что во всем законодательстве должно иметь место единообразное употребление терминологии¹³. Другие авторы допускают использование в законодательстве одинаковых слов в различных значениях, но при этом смысл понятия

должен определяться в нормативном акте соответствующей отрасли законодательства¹⁴. По-разному решается этот вопрос и применительно к отдельной отрасли законодательства. Высказано мнение о том, что как внутри одного нормативного акта, так и в рамках отдельной отрасли законодательства одно и то же понятие должно последовательно и неуклонно определяться одним термином и один термин не должен использоваться для обозначения различных, не совпадающих между собой понятий¹⁵. Но применительно к уголовному законодательству Н. Ф. Кузнецова и М. Б. Кострова считают, что полностью отказаться от полисемии в уголовном законе невозможно¹⁶.

Следует согласиться с тем, что невозможно достичь единообразного употребления юридической терминологии во всех отраслях законодательства. В силу специфики предмета правового регулирования одно и то же слово в соответствующей отрасли законодательства может определяться специальными признаками, которые для другой отрасли законодательства являются нейтральными либо не имеющими специального правового значения именно для этой отрасли. Другое дело, что разное значение полисемичных терминов, используемых в законодательстве, должно определяться в соответствующих отраслях законодательства. Так произошло с термином «доход» в рамках уголовно-правовой оценки незаконной предпринимательской деятельности. Ответственность за незаконную предпринимательскую деятельность была введена в 1994 г. При квалификации незаконной предпринимательской деятельности в практике сразу обозначились разные подходы в определении размера дохода: в одних случаях органы, ведущие уголовный процесс, доходом признавали разницу между полученной выручкой и расходами, в других – всю фактически полученную сумму выручки без учета затрат на ее получение. Первый подход основывался на специфическом понимании дохода в налоговом законодательстве. Но в постановлениях высшей судебной инстанции по этому вопросу был закреплен второй названный подход¹⁷. Впоследствии этот вопрос стал предметом конституционного судопроизводства. Конституционный Суд Республики Беларусь в своем решении от 12.11.2002 г. № Р-151/2002 «Об определении понятия “доход” для целей квалификации незаконной предпринимательской деятельности при привлечении к уголовной ответственности» отметил, что в целях формирования единой и основанной на законе судебной практики необходимо дать определение понятию «доход» непосредственно в Уголовном кодексе Республики Беларусь либо опреде-

лить это понятие путем дачи соответствующего толкования законодательным органом¹⁸. Законодатель прореагировал на решение Конституционного Суда внесением дополнения в Уголовный кодекс в виде примечания к ст. 233 УК¹⁹. При всей спорности содержания примечания к ст. 233 УК термину «доход» в уголовном законе было дано аутентичное толкование. И уголовно-правовое понятие «доход» существенно отличается от понятия «доход» в налоговом и гражданском законодательстве.

Необходимо отметить, что закрепленные на нормативном уровне требования нормативной техники относительно однозначности применяемой терминологии касаются текста отдельного нормативного акта. Из этого можно сделать два вывода: нормативно закрепленные в Республике Беларусь правила о единстве терминологии касаются отдельно издаваемых нормативных правовых актов и не относятся ко всем отраслям законодательства; что касается отдельных отраслей законодательства, в том числе и уголовного, то эти требования должны соблюдаться неукоснительно.

В тексте уголовного закона законодателем достаточно часто используются разные термины для обозначения одного и того же понятия (синонимия): «завладение человеком» (ст. 181) и «похищение человека» (ст. 182); «вовлечение» (ст. 171¹, 173), «вербовка» (ст. 181), «склонение» (ст. 331); «подлог» (ст. 192, 227, 427, ч 2 ст. 445), «подделка» (ст. 239, 258, 261, 380, 381, 387), «изготовление» поддельных платежных документов или ценных бумаг (ст. 221, 222), «представление заведомо ложных документов» (ст. 237, 238), «внесение заведомо ложных сведений» (ст. 227, 243); «выдача» и «передача» государственной тайны (ст. 356 и 358); «уклонение» и «неисполнение» (например, ст. 416 и 417); «фальсификация доказательств» (ст. 395) и «искусственное создание доказательств обвинения» (ч. 2 ст. 393, ч. 2 ст. 400, ч. 2 ст. 401) и др.

Использование в уголовном законе синонимии при описании признаков однородных преступлений можно объяснить лишь стремлением законодателя найти наиболее выгодную форму изложения уголовно-правовой нормы. Но как справедливо отметил С. В. Гринев, наличие нескольких синонимичных терминов всегда вызывает у исследователей стремление (объяснимое привычкой к тому, что разные слова имеют разное значение) находить между ними разницу (часто несущественную), что приводит к искажению их содержания²⁰. Употребление синонимов, а тем более произвольный их подбор, нарушает един-

ство терминологии уголовного закона и создает предпосылки для ошибок в квалификации преступления. Следует согласиться с суждением А. А. Ушакова, что «в борьбе за смысловую точность закона вряд ли стоит опасаться повторений одних и тех же слов, “сухости” стиля»²¹.

Проблемы в квалификации преступлений порождают и использованные в уголовном законе термины, которые являются родовидовыми понятиями. Например, в двадцати трех статьях Особенной части УК в качестве преступного деяния называется «сбыт» соответствующих предметов. В семи статьях УК употребляется термин «передача». В статье 295 УК в качестве альтернативных действий указаны как передача, так и сбыт огнестрельного оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ или взрывных устройств. Но употребление в контексте ч. 2 ст. 295 УК терминов «передача» и «сбыт», с одной стороны, сужает уголовно-правовые признаки сбыта (в отличие, например, от сбыта наркотических средств (ст. 328), а, с другой стороны, создает проблему отграничения сбыта гладкоствольного охотничьего оружия от его передачи (ч. 1 ст. 295)²².

При конструировании норм Уголовного кодекса не выдерживается требование законодательной техники о разъяснении терминов, впервые употребляемых в уголовном законе. Так, отсутствие в уголовном законе определения термину «добыча», который впервые был введен в УК 1999 г., вызвало в судебной практике различное толкование в определении момента окончания преступления, ответственность за которое предусмотрена в ст. 281 УК²³. Высшая судебная инстанция в целях обеспечения единообразного применения уголовного закона по делам об экологических правонарушениях в своем постановлении разъяснила момент окончания незаконной добычи рыбы или водных животных²⁴. Данное судебное толкование в аспекте квалификации браконьерских действий является весьма спорным²⁵. Особое внимание в этой части следует уделять терминам, появляющимся впервые в статьях УК, вследствие ратификации международных договоров, которые содержат нормы уголовно-правового характера. Язык конвенционных норм имеет специфику в силу правотворческой деятельности представителей стран, относящихся к различным системам права. Термин, буквально позаимствованный из международного договора, в национальном языке и национальной правовой терминологии может иметь совершенно иное значение.

Вышеизложенное ставит под сомнение положение, содержащееся в ч. 2 ст. 3 УК: «Нормы кодекса подлежат строгому толкованию». Это

положение имело бы право на существование, если бы терминология уголовного закона идеально соответствовала принципам законодательной техники. Но как показывают последние изменения и дополнения в УК, они содержат предпосылки для неоднозначного толкования норм в силу неудачно использованной терминологии. Наличие множества противоречий и несоответствий в терминологии, употребляющейся во многих статьях действующего УК, свидетельствует о том, что закрепленное в ч. 2 ст. 3 УК «буквальное» правило толкования уголовного закона является фиктивным. Представляется, что в сложившейся ситуации более важным является закрепление на нормативном уровне гарантий от произвольного толкования содержания уголовно-правовых норм.

Наличие в действующем УК статьи четвертой, содержащей разъяснения отдельным терминам, несомненно, способствует единообразному и однозначному применению терминологии. Вместе с тем в ст. 4 УК дано разъяснение только 15 терминам, определяющим специальные уголовно-правовые понятия. Однако в УК есть много иных терминов, которые не имеют соответствующего разъяснения. Так, в ст. 4 УК даются определения только понятиям «должностное лицо», «начальник», «малолетнее лицо», «несовершеннолетнее лицо» и «престарелое лицо». Но в УК есть иные термины с употреблением слова «лицо», многие из которых нуждаются в разъяснении: «задерживаемое лицо», «лицо, имеющее воинское или специальное звание», «лицо, совершившее преступление», «лицо, впервые совершившее преступление», «лицо, ранее совершившее преступление», «лицо, имеющее судимость», «лицо, которое доказало, что ведет законопослушный образ жизни», «лицо, находящееся в беспомощном состоянии», «лицо, выполняющее обязанности по специальному поручению», «лицо, которому имущество вверено», «лицо, ответственное за выполнение (соблюдение) определенных правил», «лицо, имеющее доступ к компьютерной системе или сети», «лицо, на которое распространяется статус военнослужащего». Полагаю, что разъяснения требуют использованные в уголовном законе термины «физическое лицо», «вменяемое лицо», «уполномоченное лицо», «доверенное лицо», «иное лицо», «другое лицо». В статье 4 УК дается определение термину «гражданин», но не определяется, что же следует понимать вообще под термином «лицо», которое употребляется во многих статьях УК в разных значениях.

В пункте 13 ч. 2 ст. 4 УК дано легальное толкование термину «общеопасный способ». В примечаниях Особенной части УК дается разъяснение «значительного размера (ущерба)», «ущерба в крупном размере», «ущерба в особо крупном размере». Но, несмотря на сужение круга оценочных понятий, употребляемых в статьях УК, их количество является достаточным, чтобы дезориентировать судебную практику: «особая жестокость», «иные тяжкие последствия», «психотравмирующая ситуация», «существенное значение», «существенно ограничивающее», «иной существенный вред», «иная зависимость» и др. Некоторые авторы называют такие слова или словосочетания «терминами, обозначающими оценочные понятия»²⁶. Представляется, что это не совсем верное утверждение. Следует согласиться с мнением М. Б. Костровой в том, что поскольку такие слова или словосочетания не имеют точного значения, они не являются терминами как таковыми²⁷. Между тем эти признаки всегда создают проблемы в квалификации преступления. Из философии известно, что понятие есть мысль, прежде всего о существенных признаках предмета²⁸. Оценочные признаки, указанные в норме УК, не дают правоприменителю точной информации о существенных признаках соответствующего преступления. Некоторые статьи УК (например, ст. 339 УК «Хулиганство») просто перенасыщены оценочными признаками, что неизбежно порождает весьма абстрактное представление о преступлении. «В таких случаях, – отмечает В. И. Малыхин, – особенно проявляется влияние субъективного фактора, что создает возможность ошибок в квалификации»²⁹. Многие авторы, исследовавшие вопрос об оценочных понятиях в уголовном праве, обоснованно высказываются за замену оценочных понятий формально определенными, разъяснения этих понятий путем легального их толкования³⁰.

Аутентичное толкование лишь отдельных терминов Уголовного кодекса, содержащееся в ст. 4 УК, не удовлетворяет потребности судебной практики о единообразном применении уголовно-правовых норм. Этот вопрос должен быть решен в полном объеме. Конечно, наличия в УК только одной статьи, посвященной разъяснению терминов, явно недостаточно. Многими российскими учеными, исследующими проблемы терминологии уголовного закона, которые достаточно актуальны в настоящее время для российского уголовного законодательства, обосновывается необходимость внесения в УК России целой главы либо раздела, посвященных разъяснению терминов³¹.

Применительно к Уголовному кодексу Республики Беларусь Н. А. Бабий предлагает в Общей части УК выделить отдельную главу, в которой следует дать «законодательное определение терминов, используемых в УК и общих для многих составов преступлений...», но термины, которые присущи статьям отдельных разделов и глав УК, «следует законодательно закрепить в отдельных нормах, поместив их в соответствующих структурных единицах УК»³². Представляется, что вопрос о разъяснении терминов должен решаться только в одной главе УК, место которой – в Общей части УК. Полагаю, нет необходимости определять значение терминов в соответствующих примечаниях к отдельным статьям, главам или разделам Особенной части УК. Во-первых, по своему функциональному предназначению статьи Особенной части УК должны служить одной цели: называть признаки конкретных преступлений и устанавливать виды наказаний за соответствующее преступление. Во-вторых, определение отдельным терминам в примечаниях к разным статьям, главам или разделам УК создает предпосылки для синонимии, которую нужно если не исключить полностью из УК, то хотя бы существенно ограничить. В-третьих, чисто с технической стороны, наличие множества примечаний, которыми уже изобилует Особенная часть действующего УК, влечет наличие ненужных повторений и увеличение объема нормативного материала. К примеру, определение «ущерба в крупном размере», при всей его вариативности во многих примечаниях Особенной части УК, тем не менее во многих главах УК имеет одно и то же значение.

Исходя из уже устоявшейся в законодательстве Республики Беларусь традиции о размещении статьи (главы) об основных понятиях в начале нормативного правового акта, глава «Разъяснение терминов Уголовного кодекса» должна быть размещена в разделе I УК «Уголовный закон». Конечно, значительную сложность при решении этой важной для судебной практики задачи представляет определение объема (количества) терминов, требующих аутентичного толкования. При решении этой задачи необходимо учитывать следующее:

1. В данной главе должны разъясняться только те термины, которые использованы в тексте норм Уголовного кодекса и которые обозначают строго уголовно-правовые понятия. Недопустимо в такую главу включать термины, используемые наукой уголовного права. В этом смысле, представляется, не нужно следовать законодательному опыту некоторых государств – участников СНГ. Например, в УК Гру-

зии дается определение причинной связи, в УК Республики Молдова – понятие длящегося и продолжаемого преступления. При всей важности этих понятий для квалификации преступлений Уголовный кодекс нельзя превращать в учебное пособие по уголовному праву. Эти понятия должны определяться доктриной уголовного права, проверяться судебной практикой и находить закрепление в нормативных предписаниях соответствующих постановлений Пленума Верховного Суда Республики Беларусь.

2. Термины, наличие которых обусловлено бланкетной уголовно-правовой нормой, учитывая их важность для понимания преступного характера соответствующего поведения, должны иметь четкие определения в иных отраслях законодательства³³. При этом изменение названия такого рода термина в процессе правотворческой деятельности в иной отрасли законодательства должно одновременно влечь соответствующие корректировки в норме УК. К сожалению, как показывает законодательная практика, это соблюдается далеко не всегда. Так, в трех статьях УК, предусматривающих ответственность за порчу земли (ст. 269), нарушение правил безопасности при обращении с экологически опасными веществами и отходами (ст. 278), незаконную охоту (ст. 282), в качестве одного из альтернативных признаков преступления названо место совершения преступления – зона чрезвычайной экологической ситуации. Понятие зоны чрезвычайной экологической ситуации ранее было дано в ст. 38 Закона Республики Беларусь от 26.11.1992 г. «Об охране окружающей среды». Однако после внесения 17.07.2002 г. изменений и дополнений в данный закон понятия зоны чрезвычайной экологической ситуации в экологическом законодательстве уже не существует. В настоящее время экологическое законодательство оперирует иными терминами: «зона экологического риска» и «зона экологического кризиса»³⁴. Но в соответствующих статьях УК никаких корректив до настоящего времени не произведено. Наличие таких несоответствий свидетельствует о качестве проводимых юридических экспертиз проектов нормативных правовых актов.

3. Придание оценочным понятиям формы термина уголовного закона требует четкости их дефиниций. Предикат дефиниции не должен содержать слов или словосочетаний оценочного характера. В противном случае содержание такого термина будет расплывчатым и ничего не объяснит лицу, применяющему уголовный закон. Поскольку оценочные понятия, использованные в нормах УК, как правило, отражают качественное состояние определенного уголовно-правового явле-

ния или обстоятельства, целесообразно в таких случаях давать определение путем перечневого подхода. Даже примерное перечисление определенных обстоятельств, отражающих в видовых понятиях смысл определяемого термина, способствует адекватному пониманию смысла уголовно-правовой нормы и делает возможным обоснованное и законное применение этой нормы к конкретному случаю.

4. Разъяснение терминам Уголовного кодекса должно даваться в строгом соответствии с существующими требованиями нормотворческой техники. При этом уже сейчас есть необходимость в унификации существующей терминологии уголовного закона. Терминология уголовного закона должна быть однозначной, должна быть устранена полисемия и чрезмерная синонимия.

5. Структура главы «Термины Уголовного кодекса» должна соответствовать уже устоявшемуся в Уголовном кодексе подходу о поста-тейном изложении нормативного материала. Все термины Уголовного кодекса должны быть сгруппированы в отдельных статьях. В качестве критериев классификации целесообразно использовать признаки, характеризующие основания и условия уголовной ответственности. К примеру, можно выделить статьи со следующими названиями: «Понятие ущерба (вреда) и критерии квалификации преступления по признаку причинения ущерба», «Понятие повторности в отдельных статьях Особенной части УК», «Понятие лица в отдельных статьях Особенной части УК», «Термины, характеризующие способ совершения преступления», «Термины, обозначающие обстоятельства, с которыми Уголовный кодекс связывает повышенную уголовную ответственность» и т. д.

6. Термины Уголовного кодекса, закрепленные в отдельной главе УК, должны иметь значение терминологического стандарта, который должен неукоснительно соблюдаться при конструировании новых норм УК лицами, причастными к законотворческому процессу.

7. В целях обеспечения законных прав и интересов граждан в предполагаемую главу «Термины Уголовного кодекса» следует включить положение следующего содержания: «Если норма настоящего Кодекса содержит непонятный и неоднозначный термин, то она должна толковаться в пользу гражданина».

---

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 1. С. 66–67.

² Национальный реестр правовых актов Республики Беларусь. 2000. № 7. 2/136.

³ Там же. 2003. № 92. 1/4856.

⁴ См., например, *Словарь русского языка*. Т. 1 / Под ред. А. П. Евгеньева и Г. А. Разумникова. М., 1985. С. 357.

⁵ *Язык закона* / Под ред. А. С. Пиголкина. М., 1990. С. 63.

⁶ Цит. по: *Кострова М. Б.* Дефинирование понятий и терминов, используемых в УК РФ // *Журнал российского права*. 2003. № 12. С. 85.

⁷ *Словарь русского языка*. Т. 1 / Под ред. А. П. Евгеньева и Г. А. Разумникова. М., 1985. С. 176–177.

⁸ См., например, *Уголовное право Республики Беларусь. Особенная часть: Учеб. пособие* / Под ред. Н. А. Бабия и И. О. Грунтова. Минск, 2002. С. 257–258.

⁹ См., например, *Козаченко И. Я.* Язык – душа и совесть уголовного закона // *Известия вузов. Правоведение*. 2003. № 2. С. 112; *Жалинский А. Э.* Насильственная преступность и уголовная политика // *Советское государство и право*. 1991. № 3. С. 111; *Семенова Н. Д.* Ответственность за преступления, связанные с насилием над личностью. Краснодар, 2002. С. 133; *Бабий Н.* Теоретические основы криминализации и квалификации составных насильственных преступлений // *Судовы веснік*. 2005. № 4. С. 53; *Шаранов Р. Д.* Правила законодательного конструирования составов насильственных преступлений // *Правоведение*. 2005. С. 85–94.

¹⁰ *Словарь русского языка*. Т. 1 / Под ред. А. П. Евгеньева и Г. А. Разумникова. М., 1985. С. 176–177, 260.

¹¹ Национальный реестр правовых актов Республики Беларусь. 2005. № 121. 2/1140.

¹² Там же. 2005. № 74. 2/1112.

¹³ См., например, *Нашиц А.* Правотворчество: теория и законодательная техника. М., 1974. С. 195.

¹⁴ См., например, *Язык закона* / Под ред. А. С. Пиголкина. С. 81.

¹⁵ *Законодательный процесс. Понятие. Институты. Стадии: Науч.-практ. пособие* / Отв. ред. Р. Ф. Васильев. М., 2000. С. 103.

¹⁶ *Кузнецова Н. Ф., Кострова М. Б.* Общественно опасные последствия: лингвистический аспект // *Вестник Московского университета. Сер. 11. Право*. 2001. № 6. С. 30.

¹⁷ *Судовы веснік*. 1996. № 3. С. 6; 2001. № 3. С. 8.

¹⁸ Национальный реестр правовых актов Республики Беларусь. 2002. № 128. 6/348.

¹⁹ Там же. 2003. № 8. 2/922.

²⁰ *Гринева С. В.* Введение в терминоведение. М., 1993. С. 107.

²¹ *Ушаков А.* Каким должен быть язык уголовного закона // *Социалистическая законность*. 1974. № 10. С. 57–58.

²² Подробнее см. *Марчук В. В.* Уголовно-правовая оценка незаконных действий в отношении огнестрельного оружия, боеприпасов и взрывчатых веществ // *Право Беларуси*. 2003. № 5. С. 72–73.

²³ О применении судами законодательства об ответственности за правонарушения против экологической безопасности и природной среды (по материалам обзора судебной практики) // *Судовы веснік*. 2004. № 1. С. 34.

---

²⁴ О применении судами законодательства об ответственности за правонарушения против экологической безопасности и природной среды: Постановление Пленума Верховного Суда Республики Беларусь от 18.12.2003 г. № 13 // Судовы веснік. 2004. № 1. С. 9–11.

²⁵ Подробнее см. *Марчук В.* Закон и судебная практика о преступлениях против экологической безопасности и природной среды // Юстиция Беларуси. № 1. 2004. С. 49.

²⁶ Язык закона / Под ред. А. С. Пиголкина. С. 63.

²⁷ *Кострова М. Б.* Указ. соч. С. 86.

²⁸ *Спиркин А. Г.* Основы философии. М., 1988. С. 289.

²⁹ *Малыхин В. И.* Квалификация преступлений, теоретические вопросы. Куйбышев, 1987. С. 20.

³⁰ См., например, *Коган В. М.* Социальный механизм уголовно-правового воздействия. М., 1983. С. 101–103; *Питецкий В.* Конкретизация оценочных признаков уголовного законодательства // Советская юстиция. 1991. № 2. С. 12–13; *Кострова М.* Оценочная лексика в уголовном законе: проблемы теории и практики // Уголовное право. 2001. № 2. С. 20.

³¹ См., например, Курс уголовного права: В 5 т. Т. 3: Особенная часть / Под ред. Г. Н. Борзенкова и В. С. Комисарова. М., 2002. С. 8–10; *Кострова М. Б.* Указ. соч. С. 83–84.

³² *Бабий Н.* Указ. соч. С. 53.

³³ Заслуживает внимания мнение некоторых авторов о том, что в бланкетных нормах допустимы ссылки только на законы, а не на другие нормативные правовые акты (см., например, *Гаухман Л. Д.* Квалификация преступлений: закон, теория, практика. 2-е изд., перераб. и доп. М., 2003. С. 246).

³⁴ См. Национальный реестр правовых актов Республики Беларусь. 2002. № 85. 2/875.

Поступила 26 апреля 2006 г.